

Анна
БЕЛИНСКАЯ

Мария
ЛЕТОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Долго

ТЕБЯ ЖДАЛА

Анна Белинская
Мария Летова
Долго тебя ждала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70436161

SelfPub; 2024

Аннотация

Он – моя первая любовь, мой первый парень и первый мужчина. Первая рана в моем сердце. Семь лет назад он уехал на другой континент, поклявшись в вечной любви и пообещав за мной вернуться. Я ждала, даже когда сообщения от него стали приходить все реже и реже. Не переставала ждать, даже когда поняла, что он меня забыл. А потом сделала то же самое: забыла его. Марк Зотов, молодая звезда НХЛ, вернулся в город, и это самая дерьмовая новость этой недели!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	64
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анна Белинская, Мария Летова Долго тебя ждала

Глава 1

– Мне не нравится, когда мои вещи берут без разрешения!

– Это никому не нравится. – Впиваюсь глазами в сигнал светофора, мигающий последними секундами зеленого. – Пошли, пошли, пошли! – подгоняю дочь, сжимая ее теплую ладошку в своей и таща за собой к пешеходному переходу.

Морозный воздух сковывает легкие, в боку нещадно колет. Промозглый ветер забирается под куртку и разгоняет колючие мурашки по моей влажной коже. Адский дискомфорт!

Снегопад превращается в непроглядную стену к тому моменту, как мы перебегаем дорогу. Снежинки оседают на ресницах, по спине под пуховиком катится капля пота, когда слышу возмущенное:

– Почему Антону надели мои трусы без моего разрешения?!

– Что? – Опускаю голову, удивленно глядя на дочь.

Маруся неваляшкой перебирает ногами в своем дутом комбинезоне, на ходу поправляя съехавшую на глаза шапку с изумрудными пайетками. Смотрит на меня в ответ, надув губы и выгнув пшеничного цвета брови. Сердце каждый раз оборачивается в теплый плед, когда вижу ее гримаски. Моя дочь – точная копия меня, и я счастлива, что от отца ей достался только цвет глаз, а от меня – все остальное, включая мимику и ослиное упрямство.

– Твои трусы надели на мальчика?! – В моей голове просто взрыв из предположений, которые придерживаю.

– Он описался! – бубнит дочь. – И ему дали мои трусы! – рассказывает с глубокой обидой.

Вспоминаю, что запасное нижнее белье для нее в детском саду я не меняла года три. Положила сменный комплект в шкафчик – на всякий случай – в тот день, когда привела ее туда в первый раз. Не думала, что этот «всякий случай» произойдет спустя столько лет и не с моим ребенком.

– Я поговорю с воспитателем, – впопыхах обещаю разобраться в ситуации с трусами.

– Он сказал, что вернет их, когда постирает, – продолжает она пыхтеть. – Мам, можно я не буду их больше носить? – просит умоляюще, пока я тащу ее по тротуару.

– Пусть Антон оставит их себе на память! – Лево́й рукой нащупываю вопящий в кармане телефон. – Маруся, быстрее!

Под мышкой зажат чехол с ее костюмом, на локте висит спортивная сумка весом с тонну, поэтому достать звонящий

телефон мне удается с десятой попытки.

– Да! – шиплю в трубку, носом ткнув кнопку «принять» и зажав телефон между плечом и ухом.

– Я не смогу долго держать тебе место. Ты хоть представляешь, сколько здесь народа?! Где ты?! – Голос подруги тонет в грохочущей на заднем плане музыке.

– Почти на месте! Я в тебя верю! – выдыхаю, надеясь, что она меня расслышала, и отбиваю звонок, возвращая телефон обратно в карман. – Быстрее! – подгоняю Марусю.

Она ловит ртом падающие снежинки и ладонью загребает с обочин рыхлый снег, который коммунальщики сгребли в огромные горы вдоль тротуара.

– Маруся! – возмущаюсь в ответ на то, как дочь рассматривает на свежевypавшем снегу следы от своих новых серебристых ботинок в условиях катастрофического цейтнота.

Впереди подсвеченное со всех сторон огромное здание нового Ледового дворца, и я тащу к нему ребенка, не позволяя больше отвлекаться на глупости. Сегодня я наглупила за нас обеих, когда решила довериться ее отцу, то есть человеку, которому доверять нельзя. Из-за него мы опаздываем, и опаздываем катастрофически!

Мне стоило бы обзавестись водительскими правами и личной машиной, чтобы облегчить нашу с Марусей жизнь, но я так этим вопросом и не озаботилась, за что сейчас хочу дать себе пинка.

– Слава Богу! – выдыхаю, заталкивая дочь в стеклянные

двери Дворца.

Ее отца за этот вечер я мысленно послала к чертям сотню раз и глубоко надеюсь, что он оттуда никогда не вернется. Я не истеричка, я – стоматолог, но даже у меня бывают дни, когда готова не лечить, а калечить.

Он обещал отвезти Марусю и клялся ей, что будет присутствовать на ее выступлении, но у него снова нашлись дела поважнее. Если бы я знала, что мы будем ждать его до прихода адвентистов Седьмого дня, поехала бы с Таней.

Вся парковка комплекса забита под завязку – кажется, сегодня здесь собрался весь город. Неудивительно: новые грандиозные объекты в нашем городе открываются не каждый день и даже не каждый год.

– Маруся, пожалуйста! – сокрушаюсь, замечая, как дочь тормозит у новогодней елки в центре холла.

– Мам, посмотри! – шелестят ее губки, а в расширенных глазах отражаются разноцветные огни от пестрящей гирлянды.

Тяну ее мимо, к охраннику, который на пальцах объясняет, как попасть в раздевалки. Мы плутаем минут пять, пока не находим нужный коридор и «первую дверь направо», где девушка-организатор с планшетом в руках требует прямо с порога:

– Фамилия?

– Власова. – Утираю пот со лба. – Власова Мария, – уточняю, сваливая вещи на скамью.

В раздевалке только мы, организатор и какая-то девушка, надевающая костюм Снегурочки. Судя по количеству оставленной под скамьями обуви, кроме нас все участники выступления давно на месте.

Пока разбираю сумку, дочь с любопытством наблюдает за Снегурочкой, которая крепит к затылку длинную искусственную косу. Для Маруси это зрелище не станет психологической травмой: на прошлом новогоднем утреннике в детском саду дочь узнала в Деде Морозе воспитательницу из параллельной группы и сказала мне об этом. Она достойно пережила эту правду жизни, но с тех пор мой ребенок больше не верит в сказки.

– Вы опоздали, – упрекает организатор. – Переодевайтесь и проводите ребенка к выходу на лед. Сектор «В». Налево по коридору, там указатели, – одаривает меня взглядом с претензией, перед тем как выйти из раздевалки.

– Снимай куртку! – понукаю дочь, дергая ее за шарф.

Ее внимание до сих пор занято лже-Снегурочкой, выворачивающей содержимое косметички на полку шкафчика.

Сбрасываю пуховик и достаю из чехла блестящий костюм снежинки, пока Маруся копошится, перебирая пальчиками кнопки на куртке.

– Я хочу пить, – сообщает, усаживаясь на скамью.

Передаю ей маленькую бутылку воды, откопав ту в сумке. Замерзшие руки упрямо не слушаются, пока пробую расправить расшитую блестками юбку-пачку, но впереди при-

ключение посерьезнее: надевать леггинсы мы обе ненавидим.

– Власовы?!

Вздрогнув, морщусь. Фамилия произнесена во множественном числе, а я никогда не была Власовой, но это вряд ли имеет значение для женщины, вошедшей в раздевалку.

Обернувшись, встречаю грозный взгляд нашего тренера по фигурному катанию Тамары Ивановны Ключевой и втягиваю голову в плечи.

Попасть к ней было сложно: она – лучшая из лучших.

Прикусываю язык, молча проглатывая любые возражения.

– Тamar-ра Ивановна! – выкрикивает дочь, намеренно удлинняя букву «р», с которой в последний месяц у них полное взаимопонимание благодаря работе логопеда. – Здравствуйте!

– Здравствуй. – Она подхватывает Марусю за локоть. – Там обуесть, – велит мне. – Время! Вам часы подарить?

– Извините... – бормочу, хватая со скамейки коньки и маленькую пластиковую корону.

На арене дикий шум и столпотворение. Музыка и голос ведущего эхом разлетаются над головой, пока мы пробираемся через толпу вслед за Ключевой.

– Живее! – подгоняет она, провожая нас к выходу на лед, где скопились съемочные группы местных и не только телеканалов.

Выставив вперед плечо, слежу за тем, чтобы ладонь Ма-

руси не выскользнула из моей. Если я потеряю ее сейчас, пу-
щу себе пулю в лоб.

Ее пальчики цепляются за мои.

Огромное помещение, забитые до потолка трибуны и гро-
хочущие басы своим масштабом поражают даже мое вообра-
жение. Бешеная энергетика давит на плечи, заставляя чув-
ствовать себя микроскопической песчинкой в этом океане
людей. Маруся сжимается в комок, сгорбив спину, и подни-
мает напряженный взгляд, выискивая во мне поддержку.

В такой мясорубке моя дочь впервые, и она волнуется.

– Ничего не бойся! – шепчу одними губами, ловя ее ис-
пуганный взгляд.

Маруся растерянно приоткрывает рот, являя мне милую
дырку вместо молочного зуба. Он выпал на днях и до сих
пор лежит у нее под подушкой. Его никак не заберет Зубная
Фея, потому что я забываю снять для нее наличку.

– Переобувайтесь быстрее! – махнув рукой на скамейку
у стены, командует Клюева. – Ждите здесь. – И испаряется,
слившись с толпой.

Мне требуется вечность, чтобы во всей этой сумятице на-
тянуть на ноги дочери коньки и справиться со шнурками,
в которых путаются пальцы. Масла в огонь подливают дети
в таких же нарядах, как наш. Они организованной группой
маячат на периферии зрения, и я боюсь потерять их из виду,
из-за этого все время отвлекаюсь.

– Мам, жмет... – хнычет дочь.

– Сейчас! Черт! – рычу, развязывая только что завязанный узел, и принимаюсь ослаблять шнуровку.

Мои пальцы деревянные, и со второй попытки получается все тот же бардак. Распускаю шнурки в третий раз и, плюнув, упираюсь коленями в грязный пол.

– Шнурки затягиваются снизу вверх, а не наоборот, – раздается над моей головой сгущающий мужской голос.

Первое, что мне хочется проорать ему в ответ – это: «Отвали!»

– Что?! – рявкаю, вывернув шею и обернувшись.

Скольжу глазами вверх по длинным мужским ногам, одетым в синие джинсы, спотыкаясь о медицинский фиксатор, в который закована одна из этих ног до колена. Поднимаюсь глазами выше – по узким бедрам, плоскому животу и широким плечам. Правым плечом мужчина опирается о стену. На нем красно-белый свитер с оленями, чтобы увидеть его лицо, я вынуждена запрокинуть голову и отбросить с лица волосы.

Сердце пропускает удар, когда все-таки добираюсь до упрямого точеного подбородка, рассеченного небольшим рваным шрамом слева направо, и выше, к карим глазам, с лентой смотрящим на меня сверху вниз.

Водоворот вспыхнувших в голове воспоминаний на секунду отодвигает в сторону весь окружающий мир, отбрасывает меня в прошлое – туда, где мне семнадцать, а стоящему рядом мужчине девятнадцать, и я до безумия в него влюблена.

Забываю, как дышать, и смотрю не моргая.

Ему требуется не меньше минуты, чтобы ленивое выражение на красивом лице сменилось подозрительным прищуром, а рот с недоверием произнес:

– Отелло?

Глава 2

Отелло...

Всего одно слово расшатывает мое внутреннее равновесие и со сверхзвуковой скоростью уносит в параллельный мир, где произнесенное только что прозвище известно лишь нам двоим: мне и стоящему передо мной мужчине.

Он растерянно проводит ладонью по волосам, приглядываясь ко мне и сводя брови к переносице, а я как замороженная слезу за сменой эмоций на его лице, думая, что у меня, возможно, галлюцинация?!

– Офигеть... – На его мужественном лице появляется лукавая мальчишеская улыбка, от которой в животе случается кульбит.

Отелло...

Глупость из прошлого, которую он увез с собой в Канаду семь лет назад, сейчас, как шампанское, бьет в голову, вызывая головокружение.

Марк Зотов, молодая звезда НХЛ, действующая легенда нашего города, где хоккей – религия, а открытие сезона – событие, которого ждут больше, чем Нового года.

Зотов... Моя первая любовь и мой первый мужчина... Первая рана в моем сердце, которая заживала так долго и мучительно, что и сейчас можно увидеть шрам. Если очень сильно присмотреться.

Хлопаю ошеломленно ресницами.

Все умственные процессы в моей голове напрочь отшибло, превратив мозг в вязкую вату. Все, на что я способна в оглушающей веренице посторонних звуков, голосов и лиц – это недоверчивое:

– Зотов?

Его улыбка становится еще шире. Белые зубы выстраиваются в идеально ровный ряд под преступно полной верхней губой. Сексуальная особенность, которая когда-то сводила с ума мои незрелые семнадцатилетние мозги.

Я представляла нашу с ним встречу миллиард раз ночами, когда обнимала свою подушку и с тоской ждала от него весточки – сообщения или звонка от своего парня, который в девятнадцать уехал играть по контракту в Канаду. Его сообщения становились все реже и реже, зато фотографии в соцсетях – наоборот, все ярче и ярче, как и девицы, которые на них мелькали.

Уже не помню, что конкретно я там себе представляла, но в моих фантазиях совершенно точно не было чего-то подобного: эпизода, где я, растрепанная, смотрю на него снизу вверх, а в горле саднит так, словно в него насыпали горсть битого стекла.

– Ух ты... – Зотов продолжает улыбаться, присматриваясь к моему лицу. – Отлично выглядишь...

В его речи – легкий акцент, на лице – легкое замешательство, но в основном он выглядит так, будто безумно рад ме-

ня видеть. Обо мне подобного не скажешь, я даже ради приличия не способна ответить на его улыбку.

На моем лице – ступор и шок, в любом случае Марка это не смущает. Он продолжает с интересом меня рассматривать, в то время как я пытаюсь вытолкнуть из себя хоть что-то членораздельное.

– Мам... – Голос Маруси вырывает меня из оцепенения, заставляя повернуть голову.

– Сейчас, – говорю хрипло, снова начиная дергать шнурки.

– Поправь носки, – слышу вежливое напутствие. – Они сбились и будут ей давить.

Вскинув голову, снова смотрю вверх и вижу, как с пристальным вниманием Зотов рассматривает мою дочь, затем переводит взгляд на меня и бормочет:

– Милый пупс.

Отвернувшись, принимаюсь поправлять Марусины носки и пытаюсь на этом сконцентрироваться!

Ребенок – самый значительный факт моей биографии за все те годы, что мы с Зотовым не виделись, ну а он за семь лет насобирал в свою копилку достаточно достижений, чтобы иметь собственную страницу в Википедии.

Шнурки лапшой висят между моих пальцев. Смотрю на них бездумно, пытаюсь понять, что с ними делать.

– Дайте-ка сюда. – Ключева безжалостно отстраняет меня, склоняется над Марусей и профессиональными выверенны-

ми движениями приводит в порядок шнуровку за считанные секунды.

Я надеваю на голову дочери корону, пока наш тренер снимает с ее коньков чехлы.

– Я ее забираю. – Она помогает Марусе прыгнуть со скамьи, ставя ее на лезвия коньков. – Сразу после выступления отведу детей в раздевалку, – оповещает тренер.

– Поняла. – Прикусываю изнутри щеку, глядя на мятый край костюмной пачки сзади.

Вытянув шею, наблюдаю за тем, как русая головка дочери смешивается с толпой точно таких же «снежинок».

Сделав глубокий вдох, расправляю объемный свитер и провожу руками по выбившимся из хвоста волосам, заправляя их за уши. Я чувствую на себе пристальный взгляд слиш-ком отчетливо, чтобы пытаться его игнорировать, поэтому перевожу глаза на Марка, сделав еще один глубокий вдох.

Зотов наблюдает за мной, склонив голову набок. Одному черту известно, откуда он здесь взялся!

– Скажешь мне «привет»? – спрашивает, выгнув брови.

– Привет, – говорю, исподлобья исследуя глазами черты лица, которые за последние годы встречались мне разве что в интернете.

На стройную высокую фигуру падает луч прожектора, обрисовывая контуры спортивного тела. Зотов стал шире в плечах и будто бы выше. Новая стрижка, которая кажется простой и неприхотливой, – уверена, дело рук стилиста, а

часы на его запястье пугают меня одним своим видом, ведь я даже представить боюсь их стоимость.

Семь лет назад на его лбу не было морщинок, а теперь есть. Они стирают любые попытки отыскать в этом лице что-то близкое. Он стал взрослее. Передо мной совершенно чужой и незнакомый мужчина. Только карие глаза под густыми бровями и свитер с безумными оленями – детали, которые уверяют: это он, Марк Зотов.

Под кожей у меня собираются мурашки.

Нервозности добавляет то, что он смотрит на меня неотрывно, только теперь без удивленной улыбки, а как-то будоражаще. В глазах не веселье, а пристальное внимание, которое я ощущаю физически.

– Как поживаешь, Аглая? – произносит хриловато.

– Отлично, а ты? – Бросаю красноречивый взгляд на закованную в фиксатор ногу и трость, на которую Марк опирается.

– Пять минут назад думал, что неплохо, – отвечает он. – Теперь думаю, что отлично. Я рад тебя видеть, – добавляет, вздергивая уголок губ в улыбке.

Эта полуулыбка – будто удар под дых, именно она превращает его из незнакомца в парня, которого когда-то я так сильно любила, выбивает из меня воздух, напоминая о том, почему сама я видеть его не рада.

К щекам приливает кровь. Может быть, за семь лет я должна была стать разумнее. Мне казалось, что такой я и

стала, но сейчас здравый смысл мне изменяет.

Схватив со скамьи чехлы от Марусиных коньков, улыбаюсь и говорю:

– Рада за тебя.

– Марк Дмитриевич! – Рядом с Зотовым возникает миловидная девушка с одним наушником в ухе. – Пройдемте. Пятиминутная готовность. – Она опасливо касается его локтя ладонью и тут же ее отдергивает, когда Зотов опускает на ее руку глаза.

Воспользовавшись моментом, я разворачиваюсь на пятках и протискиваюсь через скопившуюся вокруг толпу, убираясь подальше отсюда.

Я вычеркнула Марка Зотова из своей жизни еще семь лет назад, как и он меня, так что сейчас мне совсем не больно уходить не оглядываясь, даже несмотря на то, что сердце вот-вот схлопочет инфаркт.

Глава 3

Чувствуя себя так, будто за мной гонятся, пробираюсь через основательно переполненные трибуны, спотыкаясь о чужие ноги и принося всем подряд извинения. Чтобы найти свою подругу Таню и место, которое она для меня застолбила, приходится встать на носочки и вытянуть шею.

От разгулявшегося в крови адреналина мне душно и жарко, даже несмотря на то, что на трибунах очень свежо. Свитер неприятно липнет к влажному телу, а сердце в груди продолжает лихорадочно трепыхаться, будто на меня напала горячка.

Замечаю пышные кудрявые волосы подруги в седьмом ряду сектора, как она и указала в своей эсэмэске, и поднимаюсь вверх, перепрыгивая через несколько ступеней сразу.

Таня Капустина – моя лучшая подруга и крестная мать моей дочери.

Мы вместе с детского сада. В моих детских альбомах нет ни одной фотографии, на которой Тани Капустиной не было бы со мной рядом. Мы учились в одном классе, потом вместе поступили в местный медицинский университет: я – на врача-стоматолога, Таня – на фармацевта-провизора. Наша дружба проверена временем, и она круглосуточная, прямо как аптека, в которой работает Таня.

К тому времени, как я плюхаюсь на свое место, будто ре-

зиновый шар, наполненный жидким гелем, музыка на арене становится громче, потому что начинается мероприятие.

Таня забирает на колени пальто и сумку, которые до этого свалила на занятое для меня место, и спрашивает:

– Ты что, шла из Китая?

Моя подруга очень симпатичная. На ее носу стильные круглые очки и, судя по всему, новые, ведь раньше я их не видела. Она поправляет очки пальцем, заглядывая в мое покрасневшее лицо.

– Я встретила Зотова, – говорю бесцветным голосом, посмотрев перед собой.

Ей требуется время, чтобы переработать полученную информацию, и на это уходит секунда.

– Зотова?! – переспрашивает изумленно. – Говнюка Зотова?!

Отодвинув ворот свитера, дую туда, отвечая:

– Да, его.

Еще секунду подруга хлопает глазами, пытаясь принять тот факт, что я не шучу, после чего бормочет:

– Ты послала его в задницу?

О моей жизни она знает больше, чем кто-либо другой, поэтому имеет полное право и все основания задать этот вопрос, хоть и задает не очень уверенно.

– Он опирался на трость, – сваливаю на нее информацию, от которой меня раздражает. – Я подумала, это будет негуманно с моей стороны, посылать его в задницу.

– На трость?! – Брови Тани выразительно выгибаются. – Он так постарел?!

Марку двадцать шесть, и выглядит он, к моему сожалению, как хоккейный божок.

Фыркнув, заверяю:

– Он не постарел.

– Сколько лет прошло? – спрашивает будто между прочим. – Семь?

– Семь, – повторяю эпичную цифру.

Это любимое число Зотова: он говорил, что оно похоже на клюшку.

– Кажется, у него травма. – Устремляю взгляд на ледовую арену, на которой происходит какое-то организованное движение.

Сейчас я ничего не знаю о жизни нашей местной легенды: ни о его спортивной жизни, ни о личной. Последняя информация, которой я о нем владела, – шестилетней давности. Тогда Марк Зотов отдыхал на Гавайях в компании красоток всех цветов кожи и ребят из своей команды.

– Просто не верится, – слышу приглушенный голос Тани. – Зотов правда вернулся?! – Ее глаза всматриваются в мое лицо, когда я поворачиваю голову. – Ты как? – Подруга заботливо и обеспокоенно касается ладонью моего локтя.

– Нормально, – отвечаю, изображая улыбку.

Я не знаю, вернулся Марк насовсем или же приехал погостить, в любом случае на меня это никаким образом не долж-

но влиять. Наша встреча такая же случайность, как три шестерки, выпавшие подряд. Если я не жду второй такой встречи, значит, со мной действительно все нормально?

– Вы разговаривали? – допытывается Таня.

– Мы поздоровались, – отвечаю и подбираюсь, когда на ледовой арене появляется губернатор.

– Это действительно он, – констатирует Капустина.

Это он, да.

Зотов стоит по правую руку от губернатора, опираясь на свою трость.

Его невозможно не заметить. Так было всегда. Он всегда отличался непредсказуемостью. Был не таким, как все. Особенным. Для меня – неповторимым, со своей страстью к яркому, дерзкому, провокационному! Красный был его любимым цветом, у него вообще была уйма фетишей, которые впоследствии становились моими слабостями.

В семнадцать мне было достаточно увидеть его в ярко-красной хоккейной форме, чтобы внизу живота рассыпался разноцветный эмамдемс, а в груди взорвался карамельный попкорн. Мне было достаточно увидеть его в безумных кислотных носках, чтобы стать от него зависимой. Сегодня эти олени на его свитере среди скучных костюмов снова заставляют выделять Зотова из толпы, черт бы его побрал!

– Там... – Таня вытягивается в струну и подозрительно сощуривает глаза. – Там что... Капустин?!

Я тоже узнаю в стоящем рядом с Марком мужчине Дани-

лу Капустина. Они с Таней не родственники, просто однофамильцы. Естественно, всех, кроме Тани, забавляло такое совпадение, особенно самого Капустина.

Капустин и Зотов были лучшими друзьями. Играли за одну молодежную команду. Два друга, о которых говорят «не разлей вода», а я бы назвала их двумя сногшибательными засранцами, умеющими влюблять в себя с первого взгляда.

Сейчас на Даниле деловой костюм и даже галстук.

– ... слово предоставляется заместителю руководителя Департамента спорта Даниле Андреевичу Капустину! – торжественно объявляет ведущий программы.

– Что? – ошарашенно взвизгивает подруга.

Я не слушаю, о чем вещает объявленный высокопоставленный чиновник. Погружаюсь в свои мысли, мечась взглядом по лицам Зотова и Капустина, отмечая, как сильно оба возмужали.

Мне было семнадцать, когда одноклассница пригласила нас с Таней на хоккейный матч своего брата. Тогда я впервые узнала, что можно обжечься об лед. Марк был звездой матча. Творил невероятные вещи на коньках, из-под которых сыпались слепящие искры. Я как замороженная на него пялилась, а когда он мне подмигнул – улыбнулась в ответ.

Я не знаю, общались ли они с Капустиним после отъезда Марка в Канаду, не знаю, каких успехов добился Данила в спорте, но видеть его в строгом костюме мне так же неожиданно, как и видеть его дружка.

После короткой речи, которую Данила произносит так, будто делает это каждый день, ведущий объявляет, что для перерезания символической ленточки приглашается нападающий национальной хоккейной лиги и бывший ученик городской школы хоккейного мастерства Марк Зотов.

Встречая новость, трибуны содрогаются от бурных и оглушающих оваций. Марку вручают золотые ножницы, которыми под безостановочные щелчки фотоаппаратов и фанфары он делает свое дело, и процесс дублируют на огромных мониторах вокруг.

– Боже, сейчас ослепну, – сухо замечает Таня.

Зажав ладони между колен, наблюдаю, как Зотов позирует перед камерами и раздаривает улыбки, принимая рукопожатия чиновников, многие из которых пытаются сделать с ним селфи.

Слежу за ним до тех пор, пока не проваливает со льда в компании губернатора, Капустина и еще десятка человек, после чего освещение приглушают, и под аккомпанемент из «Щелкунчика» на лед высыпают снежинки, среди которых пытаюсь отыскать «свою».

Это чертовски сложно, поэтому снимаю выступление от начала до конца, решая, что мы найдем Марусю на этом видео потом, когда будем дома.

Как только дети покидают арену, оставляю Таню одну и тороплюсь в раздевалку.

Глава 4

Мне требуется пятнадцать минут, чтобы забрать возбужденную и взволнованную Марусю из раздевалки.

– Ты меня видела, мамочка?

– Алина споткнулась...

– Меня покажут по интернету?

Слова сыплются из нее, как пенопласт из мешка, пока переодеваемся и возвращаемся к Тане, где я снова занимаю свое место, только на этот раз с Марусей на коленях.

Я с трудом дожидаюсь окончания программы.

Прижимаясь губами к шелковистой макушке, вижу, как дочь зачарованно наблюдает за выступлением какого-то ледового шоу, выписанного из Москвы.

Я нисколько не сомневаюсь, что представление было захватывающим и безумно интересным, но беспорядочная круговерть моих мыслей делает ледовый новогодний мюзикл разноцветным пятном где-то за пределами моего внимания.

Меня предательски волнует, что мужчина с рваным шрамом на подбородке где-то здесь, в одном со мной помещении, дышит со мной одним воздухом. А может, он давно не здесь. Отправился по своим делам, как только щелкнул золотыми ножницами по красной ленточке, если, конечно, у него еще остались в этом городе хоть какие-то дела.

– Подождем, пока толпа рассосется. – Перехватываю дочь

за локоть и усаживаю на место, наблюдая, как поток людей занял проходы и слева и справа.

Спустя четверть часа фотографирую кривляющихся у новогодней елки Марусю и Таню. Моя дочь воткнула Капустинной в волосы свою блестящую корону, а сама строит забавные рожицы на камеру, надувая и сдувая щеки.

Мне становится легче.

В конце концов, в этом мире есть что-то поважнее Марка Зотова и того эмоционального фейерверка, который он мне устроил, хотя сам об этом даже не подозревает.

Хохоча, передаю телефон подруге и присаживаюсь на корточки, обнявшись с Марусей. Она припадает к моей щеке своей нежной бархатной щечкой, и мы обе улыбаемся в объектив телефонной камеры, а потом торопливо освобождаем место, потому что очередь из желающих сфотографироваться у елки приличная.

Подхватываю брошенные на банкетку вещи: костюм в чехле и спортивную сумку. Наглухо застегиваю куртку дочери, потом и свою тоже, после чего мы направляемся к выходу.

Взяв Марусю за руку, толкаю дверь и пропускаю дочь вперед, на крыльцо, которое за это время солидно припорошило снегом. Успеваю сделать пару шагов, прежде чем врезаюсь пятками в глянцевый пол, а взглядом – в глаза стоящего посреди крыльца Зотова.

Рядом с ним переминается с ноги на ногу какой-то парень.

Отводит в сторону руку, чтобы сделать совместное селфи, и Марк переводит глаза на телефон, давая мне тем самым возможность вспомнить, куда я, твою мать, направлялась.

– Ты чего? – бормочет Таня, врезавшись в мою спину.

Метнувшись глазами в сторону, хватаю выскочившую вперед Марусю за капюшон, но передо мной вырастает мужская грудь в черном строгом пальто, и преувеличенно удивленный голос объявляет:

– Вот это встреча!

Подняв глаза, вижу перед собой Капустина, который смотрит на меня с улыбкой на красивом лице, держа руки в карманах строгого пальто.

Мое удивление этим вечером уже нельзя разогнать до суперскорости. Дважды умереть нельзя!

– Здравствуй, Данила, – отвечаю дежурно и отхожу в сторону, выпуская из двери Таню.

– Приве-е-е-ет... – тянет Даня, переводя глаза с меня на подругу. – Ого, какие люди! – Его улыбка становится похожа на солнце. – Капустина... сколько лет...

– Не считала! – фыркает раскрасневшаяся Таня, выбивая из Данилы бодрый смешок.

Дверь хлопает, вышедшая оттуда группа людей теснит нас в сторону. Данила отгораживает их собой. Опускает вниз глаза, глядя на мою дочь, и спрашивает:

– Твоя?

– Моя...

– Здравствуйте... – застенчиво шелестят губки Маруси.

– Привет! – улыбается ей Капустин. – Как дела?

– Хорошо... – тихо отзывается она, прижимаясь к моему боку и глядя на него из-под края шапки.

Скосив глаза, нахожу ими Зотова, к которому выстроилась мини-очередь из подростков, желающих сфотографироваться. Судя по всему, он уважает своих фанатов, потому что терпеливо позволяет себя использовать.

– Ты теперь местный чиновничий божок? – слышу голос Тани. – Большой человек?

Данила переводит на нее взгляд и с ленцой кивает на ее волосы:

– А ты местная королева?

Взметнув вверх руку, Таня стягивает с головы пластиковую корону, которую забыла снять, и вручает безделушку Марусе.

Сжимаю губы, чтобы не рассмеяться. Их обоюдные перепалки чертовски знакомая вещь. Если бы я была до тошноты откровенна, сказала бы, что это та вещь, по которой можно скучать.

В девятнадцать он был настоящим паршивцем. Несерьезным по отношению к девушкам, которых менял, как носки. У моей же подруги в ту пору уровень ответственности по отношению к любому предмету в жизни был таким, что с Данилой они являлись противоположными полюсами, даже несмотря на одинаковую фамилию.

Таня любила химию, ненавидела свои волосы и стеснялась брекетов, поэтому улыбалась только по праздникам и только мне.

– Зря, тебе шло, – бросает Капустин, с легким прищуром осматривая рассыпавшиеся по плечам волнистые волосы Тани.

– Тебе тоже идет, – кивает она на его деловую одежду. – Честно говоря, я удивлена.

– Чему?

– Твоей должности, – поясняет она. – Я была уверена, что ты не закончил школу... – намекает она на то, что многие спортсмены не могут похвастаться законченным школьным образованием, не говоря уже о высшем.

Запрокинув голову, Капустин смеется, а когда смотрит на Таню снова, улыбка на его губах становится более сдержанной, а взгляд приковывается к ее лицу.

– Ты меня плохо знаешь, – говорит он ей.

– И слава Богу! – улыбается она фальшиво.

Даня снова смеется и бросает взгляд через плечо.

Меня не нужно отрезвлять. Пока они бодались, я ни на секунду не забывала о том, кто стоит за его спиной в трех метрах отсюда.

Зотов тоже не терял нас из виду, пока раздаривал ослепительные улыбки фанатам. Хлопая одного из них по плечу и пожимая беспорядочно протянутые к нему руки, он начинает медленно отделяться от собравшейся вокруг него неболь-

шой толпы.

Собрав в кулак все свои разыгравшиеся мысли и чувства, слежу за тем, как, опираясь на трость и еле-еле наступая на больную ногу, он движется к нам. На нем дутый пуховик и шапка с помпоном, которая, несмотря на всю свою дурковатость, безумно удачно подчеркивает скулы и точеные черты его лица.

Капустин отходит в сторону, освобождая место для своего друга, который осматривает нас всех нечитаемым взглядом, а потом обращается к Тане:

– Привет. Давно не виделись. Как дела?

Вижу, как за стеклами очков острый взгляд подруги впирается в его лицо. Она молчит секунду, изучая, ведь они, и правда, давно не виделись!

– Привет, – бормочет. – У меня все отлично, – отвечает на его вопрос, не собираясь отвечать на его вежливость тем же – спрашивать о том, как дела у него.

Я и рада, и нет! Все же больше рада: мое подсознание твердит, что о его делах мне лучше совсем ничего не знать. Достаточно того, что по широким плечам и красивому, чуть покрасневшему от мороза лицу, жадно скользят глаза.

В воздухе повисает напряженная секундная тишина, которую внезапно прерывает стук каблуков и громкое:

– Я опоздала?!

Я делаю крошечный шаг назад, оттаскивая вместе с собой Марусю, когда рядом с Капустиным возникает блондинка в

шубе трендовой леопардовой расцветки и сапогах на тонких высоких каблуках, протыкающих свежевывпавший снег.

Ее руки обвивают плечи Данилы, когда она бросается ему на шею, а его руки, в свою очередь, смыкаются на ее талии.

– Нет, малышка, ты как раз вовремя... – Капустин хрипит так, словно ему сдавили гортань.

– Прости, зай... – тянет блондинка капризно. – Я знаю, что опоздала. Ты обиделся, зайчонок? – надувает ярко-алые губы.

– Нет, малышка. Я не обижаюсь. Не переживай, малыш, – отвечает он ей.

– Почему ты такой хороший? – Она показательно рычит, легонько ударяя по его груди наманикюренными пальцами, сжатыми в кулачок.

Сдавленный кашель Тани растворяется в разреженном морозном воздухе, и мне приходится постучать ей по спине, чтобы привести подругу в чувство, хотя я и сама на полпути к шоку от этого уменьшительно-ласкательного дерьма.

Переведя глаза на Марка, вижу, что его взгляд прикован к приподнятому лицу Маруси, и от этого внутри меня все шевелится и волнуется.

Подняв глаза, Зотов вдруг смотрит прямо на меня, меня задумчивое выражение лица на насмешливое, и спонсор этой ироничной насмешки – его друг, который в эту минуту соединяется со своей блондинкой в коротком поцелуе.

Марк смотрит на меня исподлобья... Из его рта вырыва-

ется облачко пара, как и из моего.

Мир вокруг становится для меня немым. Всего на секунду! Я перестаю слышать и видеть вокруг себя хоть что-то, кроме глаз Зотова, впившихся в мои.

– Вас подвезти? – спрашивает он, глядя только на меня.

Вот уж точно, черт возьми, нет!

– Мы с Таней, – отвечаю быстро, – на машине.

– Капустина, ты водишь машину? – посмеивается Даня, продолжая баюкать в объятиях блондинку.

– Капустина? Вы что, родственники? – восклицает та и задирает голову к Дане.

– Нет... – отвечает он ласково.

– А кто тогда? – удивляется.

– Однофамильцы. – Голос Тани звучит сухо и пренебрежительно.

Блондинка обрабатывает информацию несколько долгих секунд, сопоставляя полученные факты. На ее лице отражается активный мыслительный процесс, за которым наблюдаем мы все, даже Зотов. Когда напряжение на ее лице сменяет понимание, я ожидаю услышать что угодно, честное слово. Все, кроме:

– Если бы вы поженились, ей не пришлось бы менять фамилию! Весело же, правда? – наивно и беззлобно заглядывает Дане в глаза.

– Просто обоссаться можно... – слышу хриловатое бормотание Марка.

С силой закусываю губу, чтобы сдержать смех, который сдавил горло. Танин кашель похож на карканье умирающей вороны.

После брошенных Зотовым слов ни единого комментария больше не звучит, и нас снова накрывает короткой паузой, которую прерывает Капустин. Откашлявшись, он принимает умиротворенный вид и объявляет:

– У меня дача за городом, в субботу будет неформальная вечеринка, присоединяйтесь.

Это предложение адресовано нам с Таней, поскольку смотрит он на нас. Вероятно, Зотов осведомлен об этом мероприятии, потому что не выглядит так, словно слышит эту информацию впервые, а вот девушка его друга – напротив.

– Да? – не в первый раз за эти минуты удивляется она. – Ты не говорил, зай, – хлопает длинными ресницами.

– Это был сюрприз, – успокаивает ее Капустин, поглаживая по спине.

Порывшись в кармане пальто, он достает оттуда телефон и снимает с него блокировку, после чего протягивает мне со словами:

– Запиши свой номер.

Очередной взрыв кашля Тани стопорит меня на пару секунд, но, в конце концов, это просто номер телефона. Я дам его ему, это ни к чему не обязывает! Разумеется, я не собираюсь присоединяться к их неформальной вечеринке. Мне не нужно спрашивать подругу, я уверена, что и она тоже.

Быстро вбиваю свой номер, стараясь смотреть только на дисплей. Зотов здесь, и он на меня смотрит, это я тоже знаю, даже не поднимая глаз. К моему удивлению, телефон в недрах моего собственного кармана начинает вибрировать, как только я возвращаю Капустину его гаджет.

Копошусь, вскинув на него глаза.

– Вот и обменялись, – кивает он миролюбиво. – Я скину адрес и время. Будет весело.

– Ну ладно, мальчики и девочка, – без запинки объявляет подруга. – Очень рады были поболтать. – Она подхватывает меня под локоть одной рукой, а второй сжимает ладошку Маруси. – Нам пора, – ровно и отрывисто чеканит слова.

– Увидимся... – Тихий голос Марка стремится забраться мне под кожу, когда я разворачиваюсь к ступенькам.

«Ни за что!» – отвечаю ему мысленно и так же мысленно показываю поднятый вверх средний палец.

– До свидания, – лепечет Маруся.

– Пока... – присоединяюсь, второй раз за этот вечер уходя не оглядываясь.

Глава 5

Я частенько поучаю Марусю, как должен вести себя пешеход в городе, но сегодня пренебрегаю этими правилами. Крутя головой влево и вправо, железобетонно убеждаюсь, что проезжая часть с обеих сторон пуста, и перебегаю ее в неподобающем месте.

Дико опаздывать для меня стабильное состояние с тех пор, как родилась моя дочь, в этом нет ничего сверхъестественного.

Из-за снегопада в городе «коллапс» с вызовом такси. Я прождала машину у детского сада Маруси чертовых полчаса, и за это время в заказе мне отказали четыре водителя. Пришлось добираться на переполненном автобусе, который просто чудом дополз на пузе до студгородка моего медицинского университета.

К тому времени, как вываливаюсь из автобуса на остановку, у меня остается десять минут, чтобы добраться до учебного корпуса, а по нерасчищенному тротуару это все равно что кардиотренировка, которая заставляет меня злиться и потеть.

Кусачий ледяной ветер жжет щеки и забирается под шарф, которым обмотала шею. Прячу ее в воротник куртки и, забросив на одно плечо рюкзак, пересекаю маленький сквер, через который выхожу на территорию стоматологиче-

ского факультета. Дорожка к нему присыпана песком, но я все равно семеню мелкими шагами, не собираясь ломать себе ноги.

Мысли о сломанных ногах отсылают к медицинскому фиксатору, в который упакована нога одной знакомой мне звезды НХЛ. Я жутко не выспалась, это тоже мое привычное состояние, но сегодня я сделала это из-за Зотова. Он не был крадущим мой сон обстоятельством примерно семь лет, и это было чертовски прекрасно. Чертовски прекрасно, когда боль в сердце наконец-то умолкает, а ты при этом выжил.

Именно это я и сделала семь лет назад. Забыла его, так же как он меня!

Я не имею проблем с самоорганизацией, мне стоит блокировать мысли о Марке, вот и все. Я это умею. Просто выбросить его из головы и сконцентрироваться на важном, например на том, что сегодня у меня последний в этом семестре зачет.

Обиваю подошвы утепленных кроссовок друг о друга и залетаю в корпус.

Одновременно с писком зеленого сигнала турникета, к которому прикладываю пропуск-карту, чувствую вибрацию телефона в кармане куртки.

– Привет, пап, – принимаю звонок на ходу.

Стянув с плеча рюкзак, бросаю его на деревянную стойку гардероба и смотрю на висящие в холле большие часы.

– Доброе утро, дочь, – слышу бодрый голос отца. – Удоб-

но?

– Я опаздываю, – стряхиваю с плеч куртку. – Если у тебя что-то несрочное, я перезвоню...

– У нас заканчиваются композиты, – сообщает.

– Хорошо, я закажу.

– Пожалуйста. По возможности в понедельник.

– Окей, это все?

– Кажется.

– Тогда до понедельника... – говорю и пихаю гаджет в задний карман джинсов.

Отцу тоже не нужны лишние церемонии, он серьезный и занятой человек.

Тот факт, что для оглашения информации отец выбрал утро субботы, меня не смущает. Виктор Баум – не из тех, кто страдает возрастным искаженным чувством гиперконтроля. Его звонок не сиюминутная прихоть, это ответственность по отношению к работе, благодаря этой ответственности в своем детстве я ни в чем не нуждалась.

Он и сейчас звонил мне с работы. Его рабочее расписание я знаю лучше него самого, ведь сама это расписание формирую.

Мой отец – стоматолог. У него небольшой частный кабинет уже как лет десять. Всего одно кресло, а очередь как товарный поезд: бесконечная. Просто мой отец профессионал с отличной репутацией и с кучей постоянных клиентов.

Бросаю номерок в рюкзак, попутно вытягивая из него бе-

лый халат, который набрасываю на плечи, и собираю волосы в тугой хвост, как того требует устав.

Над головой раздается резкий звонок, объявляющий начало занятия, а нужная мне аудитория находится на втором этаже, так что я чертыхаюсь и несусь к лестнице.

В холле рабочие наряжают гирляндами живую елку размером с небоскреб, еще вчера ее здесь не было. За четыре года моего обучения традиция ни разу не была нарушена. Нос успевает поймать еловый запах, и он напоминает о том, что скоро Новый год – праздник, который семь лет назад я могла бы назвать любимым, но одна новогодняя ночь разделила мою жизнь на «до» и «после».

В ту ночь мои юные чувства, мечты и надежды разбились, как елочные стеклянные игрушки, и застряли острыми ребристыми осколками в груди.

Передернув плечами, стряхиваю размытые воспоминания, не желая копаться в них ни секунды.

В коридоре пусто, к моим опозданиям давно привыкли все: и преподаватели, и студенты.

Вообще-то, мне учиться легко. Даже несмотря на то, что мои одноклассники на три года меня моложе и на потоке я сама по себе.

Я понятия не имею, что такое студенческая жизнь. Я не посещаю студенческие тусовки. Я до вечера работаю у отца в кабинете администратором, секретаршей, завхозом и иногда уборщицей, а потом пулей лечу в детский сад за ребен-

ком, поэтому покидаю университет сразу после окончания занятий.

У меня не было терзаний по поводу выбора будущей профессии. В семь лет я уже знала, что буду работать «зубным врачом», как папа, то есть как человек, на работе у которого я болталась все свободное время после школы, а теперь у меня почти есть диплом. Осталось поднажать совсем немного.

Толкаю вперед пластиковую дверь и выхожу в коридор второго этажа, где, привалившись задницей к подоконнику напротив моей аудитории, стоит Родион Власов.

Власов уже два года как закончил университет, но я не спрашиваю, каким образом он каждый раз проходит через КПП, ведь перед сыном проректора здесь в принципе все двери открыты. Неожиданностью для меня является не это, а то, что он проснулся так рано, да еще и в выходной день, чтобы почтить своим вниманием меня, человека, на которого вчера вечером ему было совершенно плевать!

Сложив руки на груди, кривовато ухмыляется, произнося:

– Опаздываешь...

Глава 6

На Власове брендовое пальто, под ним тонкая бежевая водолазка, которую видно между распахнутых пол черного кашемира. Сезонные виды обуви Власов принципиально не признает, независимо от времени года носит исключительно фирменные кроссовки, меняя их как перчатки. Сегодня у него кипенно-белые «найки», и они кричат о том, что передвигается по городу этот человек, не прыгая по сугробам на своих двоих.

Он передвигается на «Порше». Уверена, тачка припаркована прямо у входа в учебный корпус. Я бы заметила, но так сильно боялась переломать себе ноги, что не глазела по сторонам.

Если бы у Родиона была возможность, он заехал бы на своем «мажорском перце» прямо в вестибюль.

Ненавижу пижонство. По крайней мере в исполнении Власова, но семь лет назад я была восемнадцатилетней отчаявшейся дурой, так что закрыла на это глаза.

Останавливаюсь в паре метров и смотрю ему в лицо. Оно не бывает помятым даже после ночи кутежа по городским клубам. У Власова отличные гены, и он отлично за собой следит. Гладко выбрит, волосы в идеальном порядке-беспорядке, словно он только что вышел из салона мужской красоты. Мне не понаслышке известно, как он умеет пускать пыль

в глаза. Производить впечатление – его особый талант, которым он и семь лет назад превосходно владел.

Осматривает меня с головы до ног, через секунду на его щеках появляются две параллельные ямочки, которые делают лицо привлекательнее и обманчиво мягче.

Он самоуверенно улыбается, но меня давно этот трюк не цепляет.

– Чего тебе надо? – спрашиваю быстро.

– Доброе утро, любимая, – бросает с издевкой.

Именно этот тон впрыскивает в мою кровь адреналиновую смесь из гнева и раздражения. Подобных эмоций в его адрес у меня за семь лет скопилась целая вагонетка, как и претензий!

– У меня нет времени с тобой разговаривать, – цежу сквозь зубы, – занятие началось, – киваю на дверь аудитории.

Желания вести с ним беседы тоже нет, но он и так об этом знает. Отсутствие желания даже преобладает над отсутствием времени, но если он здесь, значит, ему что-то нужно.

– Ты все равно уже опоздала. Расслабься, – дает свою вседозволенную характеристику ситуации.

Примерно так он когда-то решал любые проблемы в учебе и не только: «расслабься», «не парься», «забей». Жонглировал словами, как теннисными мячиками, разруливая ситуацию, но не решая проблему.

– Чего тебе? – тяжело вздохнув, повторяю свой вопрос.

Родион резким движением оборачивается и подхватывает

с подоконника букет красных роз, которых за его спиной до этого момента я не видела.

– Приехал извиниться. Каюсь, виноват, — примирительно улыбается, сунув букет мне в руки.

В нос ударяет аромат роскошных цветов. И запах дорогого мужского парфюма, ведь Власов любит все самое лучшее.

В общении с ним у меня скачущий список эмоций в интервале от безразличия до бурлящего раздражения. Сейчас, когда я не выспалась, опоздала на занятие и мне светит перспектива выслушивать его исповедь, взрываюсь петардой, возвращая ему букет:

– Оставь их себе. И свои извинения тоже. Прибереги их для Маруси, которую ты, – тычу в его грудь пальцем, – подвел.

Вчера она спросила: «Где папа?» примерно десять раз, и, будь у меня в рюкзаке осиновый кол, я с удовольствием воткнула бы его Родиону между ребер.

Полосую его взглядом и купаю в раскаленной лаве своего гнева так, чтобы захлебнулся от чувства вины, но он снова делает это: усмехается чертовыми «ямочками», словно мое бешенство его заводит.

– С Марусей я разберусь, – лениво очерчивает круг по моему лицу. – У меня полный багажник игрушек, – самодовоительно оповещает. – Половина детского отдела, ее подружки обзавидуются, – имитирует детский голос сладко-приторными интонациями.

Поднеся к голове руку, массирую виски.

Клоун.

Немыслимо. Невероятно. И в то же время знакомо: откупаться подарками за очередной косяк – его топорный способ приносить Марусе извинения. Настолько будничным, что по нашей с дочерью квартире скоро невозможно будет передвигаться.

– Лучше бы ты купил себе мозги, – голос становится громче и эхом разлетается по пустому вестибюлю второго этажа. – И подумал о том, что быть отцом – это не значит быть записанным в свидетельстве о рождении. Это ответственность! – выплевываю эти слова, надеясь, что они когда-нибудь до него дойдут, я говорила ему их миллион раз. – Ты же хирург, Власов! Ты должен быть знаком с этим словом!

Черт возьми, я понятия не имею, как он работает, но, как ни странно, он хорош в том, чтобы хладнокровно «резать» и успешно оперировать. Это наследственность. Талант, которым он пользуется еще с университетской скамьи.

Власов два года назад окончил ординатуру и сейчас работает практикующим хирургом в медицинском центре своей матери. Я не интересуюсь его работой и успехами, мне достаточно знать, что он в жизни прикладывает ровно столько труда, чтобы затраченные усилия принесли сопоставимый результат, иначе он хромого скинет с операционного стола, но.

Меня слегка потряхивает, когда вижу, как темнеют его се-

ро-голубые глаза, а плечи напрягаются.

Мои нотации – это всегда конфликт между нами, и я отлично знаю, чего ожидать.

Я успеваю сделать глубокий вдох, прежде чем Власов повышает голос, будто ему сдавило мошонку:

– Я, блядь, был занят на работе.

Криво усмехнувшись, произношу:

– Я видела твою сторис.

– Все-таки следишь за мной, да? – говорит самодовольно.

– Я долбанную тысячу раз тебе звонила. Я тебя искала, чтобы сказать, какой ты говнюк. Так что нет, я не слежу за тобой.

Он куролесил в клубе со своими друзьями, поэтому я чертовски удивлена видеть его здесь, ведь раньше рассвета их пьянки никогда не заканчиваются.

– Ты мне предъявляешь? – Власов отбрасывает букет на подоконник, а свободной рукой неожиданно хватая меня за локоть, притягивает к себе, выбивая из меня изумленный вздох. – Была бы ты поласковее, все было бы по-другому, Баум. Но ты же у нас, блядь, недотрога. Снежная королева! Ты когда в последний раз трахалась? Помнишь, как голый мужик выглядит? – пренебрежительно выплевывает, встряхивая и заставляя смотреть в его непроницаемые почерневшие глаза.

Желваки на его челюсти перекатываются, когда впивается в меня жестким взглядом. Близость его тела адски нервиру-

ет, и мне становится дико неуютно.

Натужно сглатываю.

– Не твое дело... – пытаюсь освободить руку из цепкого грубого захвата.

Горло сжимает спазмом, но я решительно смотрю в глаза напротив, не собираясь выдавать никаких эмоций.

– Не трогай меня. Отпусти, – требую, стиснув зубы.

– Да пожалуйста, – шумно затягивается наэлектризованным между нами воздухом и отталкивает меня от себя. – Я заберу Марусю из сада. Мать хочет ее видеть. Привезу дочь в воскресенье.

Это не просьба и не компромисс. Это факт, как и то, что его родители любят Марусю, а у меня нет оснований препятствовать их общению с внучкой. Дочь любит их не меньше.

– Пусть она позвонит мне вечером. До свидания, – развернувшись на пятках, срываюсь к двери аудитории.

Меня штормит. Сощуренные глаза Власова смотрят мне вслед. Липкий агрессивный взгляд я ощущаю затылком и скрываюсь от него, тихо прикрыв за собой дверь. Мышью проскальзываю между рядами, бросая виноватый взгляд преподавателю за кафедрой.

До трех часов дня я теряюсь в учебе, сливаясь с потоком своих сокурсников, а когда после занятий спускаюсь в гардероб, мой телефон звонит. На дисплее незнакомый номер. Я принимаю входящий бездумно и тут же жалею о том, что в суматохе вчерашнего вечера забыла внести эти цифры в

свою телефонную книжку, потому что в трубке раздаётся чертовски жизнерадостный голос Капустина:

– Приве-е-ет, РозенБаум! Ты где?

Глава 7

Данила Капустин ни разу в жизни не подложил мне свинью, даже не обидел ни разу. Ни словом, ни делом – ничем! Семь лет назад мы отлично ладили, но я все равно настораживаюсь, тормозя прямо посреди холла, где толпами фланируют студенты, задевая меня то плечами, то рюкзаками.

Замерев столбом, закрываю глаза на дурацкое прозвище, которым Капустин когда-то меня окрестил и которое подхватила вся хоккейная городская тусовка, с которой я познакомилась благодаря своему парню Марку Зотову.

– Привет... – произношу выжидающе. – В университете...

– Преподаешь там, где я учился? – посмеивается над собственной шуткой. – Отвлекаю?

– Прямо сейчас – нет.

Он забрасывает меня вопросами, как снежками, лишая возможности их проанализировать и, возможно, кое-где соврять: ведь я догадываюсь, зачем он может звонить. Насчет своего приглашения?! Я не собираюсь ни на какую загородную тусовку, ни за что!

Я предпочту переждать где-нибудь вдалеке, пока Зотов не покинет город. Наверняка он здесь ненадолго, я не интересовалась, но у него травмирована нога, и даже дураку ясно: это вынужденный отпуск. А потом он уедет, возможно, еще лет на семь или десять. А мы... мы с Марусей останемся здесь.

Капустин пуляет в меня следующим вопросом:

– Я в двенадцать отправил тебе сообщение, ты его не открыла. Динамишь меня, Агуша?

– Что?! – возмущаюсь я. – Нет!

Я не собиралась рассказывать ему, что с семи утра кручусь как белка в колесе, но он бы и не стал претендовать. Ласковым голосом говорит:

– Не волнуйся так, я не обиделся.

Можно подумать, я волновалась!

– Что за университет? – получаю следующий вопрос.

– Медицинский! – сообщаю раздраженно.

В нашем городе один-единственный медицинский, так что пояснения Даниле не требуются.

– Ты до сих пор там учишься? – слышу легкое удивление в его интонации.

– Представь себе. Ты же не думаешь, что ребенка мне родила суррогатная мать?

Мои бывшие одногруппники сейчас оканчивают ординатуру. Ребята, с которыми я успела проучиться первый курс и сдать летнюю сессию. А потом я ушла в академический отпуск – несложно догадаться по какой именно причине. И именно по этой причине мое обучение так затянулось, но я ни о чем не жалею.

Смех Данилы искренний и веселый. Он снимает с моих плеч часть напряжения, но я все еще помню, с кем разговариваю, и этот кто-то все еще не объяснил, зачем звонит.

– Ты освободилась? Уже почти три...

– Я свободна.

Не вижу смысла врать, ведь все это меня по-прежнему ни к чему не обязывает.

– Ты зависаешь все там же? В четвертом корпусе? – спрашивает Капустин.

– Да...

– Буду через двадцать минут. Черный «БМВ» семь три семь. Жди у шлагбаума.

Изумленно смотрю на телефон с прерванным вызовом у себя в руке.

Он действительно занял свою должность не случайно: его способность заговаривать зубы просто поразительна!

Порывшись в телефоне, нахожу в одном из мессенджеров непрочитанное сообщение от уже знакомого номера и быстро читаю. Капустин просит позвонить ему, если я свободна.

Глядя по сторонам, прикусываю изнутри щеку, решая, что мне делать.

Можно подумать, у меня огромный выбор! Не стану же я вести себя, как ребенок, и убежать!

Вываливаю на стойку гардероба номерок, решая отправиться к шлагбауму и встретиться с Капустиным лично. В конце концов, мы не виделись семь лет, возможно, еще столько же не увидимся.

Резкими движениями заталкиваю в рюкзак халат, надеваю куртку и связываю вокруг шеи снуд.

Пока бреду вдоль главной дороги к парковке по притоптанному снегу, думаю о том, что моему прошлому с Зотовым давно пора стать чем-то вроде миража, но, вопреки всему, даже семь лет спустя оно кажется реальнее некуда – до мелочей, до запахов и вкусов!

Подойдя к шлагбауму, переминаюсь с ноги на ногу от холода и дую на озябшие в варежках руки, чувствуя, как по телу разливаются трепет и волнение.

В груди щекочет, пока всматриваюсь в проезжающие мимо машины.

В моем животе беспокойно. Напряжение стягивает его низ в тугую жгут, сердце под свитером делает скачок.

Когда в нескольких метрах от меня, разбросав колесами грязный придорожный снег, паркуется черный джип «БМВ», в голову лезет непрошеное воспоминание: красный дерзкий спорткар, на котором семь лет назад мой парень забирал меня отсюда же. От этого самого шлагбаума.

Зотов начал обеспечивать себя с четырнадцати лет, а в шестнадцать купил первую машину. Когда мы с ним встречались, они с Даней часто забирали меня с занятий на машине Марка.

Как и любой семнадцатилетней девчонке, мне дико льстило, что мой парень – хоккеист и приезжает за мной не на трамвае и не на троллейбусе, а на броском «Додже», но я любила его не за это...

Я гордилась им, его успехами и целеустремленностью. И

сходила с ума от того, как он на меня смотрит и как целует...

Стук сердца перемещается куда-то в область горла. Сглаживаю и напрягаюсь, когда дверь тачки резко распаивается и до тошноты приветливое лицо Капустина находит взглядом мое.

Я вижу на переднем пассажирском сиденье его «леопардовую» подружку, стекла задних дверей непроницаемо тонированы.

Данила легкой трусцой оббегает капот машины, и у меня подкашиваются колени в тот момент, когда он берется за ручку дверцы и тянет ее на себя.

Я отлично помню, как зовут лучшего друга Капустина. В девятнадцать они всюду таскались вместе, как близнецы, а сейчас... Сейчас я боюсь, что эту традицию они до сих пор соблюдают!

Облако пара вырывается из моего рта.

Впиваюсь пальцами в ляжку рюкзака и неподвижно сверлю глазами спину Данилы. На нем расстегнутая парка, под ней спортивный костюм из штанов и толстовки.

Задерживаю дыхание, наблюдая за тем, как Капустин опирается одной рукой на распахнутую дверь, а второй приглашает меня сесть в салон, говоря:

– Садись, а то попу отморозишь.

Стоя на месте, ощущаю, черт возьми, облегчение.

Заднее сиденье пустое, и оно манит меня внутрь салона: под моим носом сосулька, руки превратились в ледышки –

сегодня минус пятнадцать, и нужно быть круглой душой, чтобы отказаться от этого предложения, поэтому я принимаю его не задумываясь.

Теплый воздух гостеприимно набрасывается со всех сторон, когда Даня захлопывает дверцу. Вместе с расслабляющим теплом на меня набрасывается еще и пассажирка с переднего сиденья.

– Привет-привет! – фонтанирует она, обернувшись ко мне. – Как дела? Какие милые штуки... как они называются? – хихикает и тычет наманикюренным пальцем в мои варежки.

– Эм-м... привет... – Перевожу взгляд на Капустина в поисках помощи, как только он занимает водительское сиденье.

Этот засранец широко улыбается и молчит, кажется, не собираясь мне помогать, а я понятия не имею, как общаться с людьми, у которых критически низкий ай-кью.

– Все... кхм... хорошо... – Мечусь взглядом между ними двумя.

– Ты здесь учишься, да? – Блондинка переводит взгляд на лобовое стекло. – На врача?

– На стоматолога... – бормочу, наблюдая, как Данила разворачивает машину.

– Я вчера не успел вас познакомиться, приношу извинения, – включает Капустин радушного хозяина. – Аглая, – указывает на меня. – Ника, – представляет свою недалекую

подругу.

– Мяу! – урчит та и трется щекой о проступившую щетину Данилы.

Мое лицо кривится. Лицо Капустина в зеркале заднего вида выглядит невозмутимым. Он поистине на своем должностном месте. Такое терпение!

– Так какие у тебя планы? – спрашивает он, посмотрев на меня через зеркало.

– Мои планы? – спрашиваю, откашлявшись.

– Ага. Мы же договорились. Дача, хорошая компания...

Мы ни о чем не договаривались, и за эти годы наши представления об «отличной компании», кажется, слишком сильно разошлись.

Его подруга красит огромные губы красной помадой, откинув солнцезащитный козырек.

– Бери с собой дочь и мужа... – продолжает он рассуждать, направив машину к выезду из студгородка.

– У меня нет мужа, – отвечаю зачем-то.

– Тогда – парня и дочь. Там будут дети. Парочка. Помнишь Артура-Страйка?

– Который в свои ворота постоянно забивал? – уточняю.

– Ага! – смеется он. – У него трое уже... и четвертый на подходе.

Тихо фыркнув, спрашиваю, покосившись в окно и игнорируя тему моего «парня»:

– Куда мы едем?

– На заправку, – сообщает Капустин.

– Данечка делает такой вкусный шашлык! Да, Зай? – обращается к нему Ника.

– Угу, так что? – Он снова перехватывает мой взгляд в зеркале.

– Я... – мнусь, не зная, что ему, черт возьми, сказать! – У меня дела...

– Ну тогда побудешь пару часов, потом отвезу тебя назад. Соглашайся, – улыбается мне обаятельной улыбкой через зеркало. – Хочешь – возьми подругу...

Глава 8

Я перестаю копать в себе и царапать ногтями джинсы на коленях, когда Даня ловко загоняет машину в узкий проезд подземной парковки городского ТЦ. Разобравшись со шлагбаумом, он заезжает на второй уровень и паркуется под звуки новогодней песни, которая брызжет из динамиков.

До Нового года чуть больше недели. Не знаю, почему все происходящее свалилось на меня в конце года, может, это дурная примета?

Не знаю также, в каком аффекте я позвонила Тани и спросила, где она!

Капустин будто Джин из бутылки. Его компания делает реальность вокруг легкой и ненавязчивой, это зашоривает глаза, вот откуда мой аффект.

Нет ничего ужасного в том, чтобы побывать на его даче. Я ведь ненадолго, и такси никто не отменял, а вероятное присутствие там Зотова... плевать мне на него, ведь кроме Марка там будет немало знакомых ребят, с которыми мы отлично ладили.

Теперь я с Капустиным и его подругой здесь, на подземной парковке, и мы ждем Капустину, которая до моего звонка тусовалась наверху в книжном магазине.

У Тани выходной. Может быть, и ее и мои выходные выглядят не настолько впечатляющими, как те, о которых всю

дорогу сюда возбужденно повествовала Ника, но не у всех есть свой популярный маникюрный салон и время, чтобы летать в Сочи на выходные.

Я замечаю Таню, как только распахивается металлическая дверь, ведущая из Центра на парковку, и прошу Данилу по-сигналить, чтобы обозначить наше местоположение, когда подруга растерянно крутит головой по сторонам.

– Кто такой? – без особых эмоций интересуется господин чиновник, подаваясь вперед и вжимаясь грудью в руль, чтобы лучше видеть парковку.

Выглядываю между передними сидениями и наблюдаю, как рядом с Таней шагает высокий худой парень в очках.

Это Альберт – ее сосед и друг детства. Ходить по книжным магазинам – для них что-то вроде совместного хобби. Мою подругу успокаивают все эти книжные стеллажи, запах хрустящих страниц, а на кассе она обожает набрать кучу всякой ненужной дребедени, которой потом снабжает Марусю.

Вернувшись на свое место, жду, когда откроется задняя дверь. Таня забирается в салон через полминуты вместе с сырым спертым парковочным воздухом.

Я ничего не объяснила, когда сказала, что заеду за ней через полчаса. Я и сейчас не знаю, как объяснить происходящее, встречая ее удивленный и немного настороженный взгляд.

– Что происходит? – Таня двигается в середину, бросая косой взгляд на водительское кресло. – Садись ты уже! – тре-

бовательно кидает через плечо, посмотрев на Альберта.

Ему приходится сложиться вдвое, чтобы протиснуться на сидение, потому что его рост далек от среднего. Когда это удастся, его острые колени упрутся в водительское кресло. Как раз в область почек Капустина.

– Это мой парень. Альберт, – Таня представляет своего соседа, заставляя меня тем самым удивленно хлопнуть ресницами.

В ответ она посылает мне очень говорящий взгляд – «так надо!» – и ментально просит ни о чем ее не спрашивать.

Из каких бы соображений она ни объявила Альберта своим парнем, решаю просто смолчать. Ее «бойфренд» испускает недовольный вздох, и по его симпатичному, почти смазливому лицу можно понять, как он относится ко всему этому спектаклю.

Протянув руку, Капустин меняет положение зеркала заднего вида, и угол его наклона говорит мне о том, что Данила изучает пассажира за собой.

– Добрый вечер, – Альберт поправляет очки в стильной квадратной оправе, потом просовывает ладони между тесно сжатых коленей.

– Приве-ет! – звонко отзывается Ника, развернувшись в своем кресле.

– Добрый... – Капустин возвращает зеркало в исходное положение и оборачивается, окинув взглядом мою подругу.

Ее волосы собраны в высокий пучок с вьющимися у вис-

ков прядками, одета она в объемный пуховик с меховой опушкой на воротнике.

– Мы едем за город, – уточняет Данила. – Пристегнитесь.

Острый и вопросительный взгляд Капустиной полосует меня по лицу, но, мотнув головой, теперь сама прошу ее ни о чем не спрашивать!

Прикусив губу, так и делает. Знаю, она удивлена не меньше меня самой, но я так отвыкла посвящать свободное время кому-то кроме дочери, что перспектива провести его в компании старых знакомых сглаживает вероятность присутствия там одного конкретного человека. Я предпочитаю просто отключить голову, иначе мысли натрут мне мозоль.

– Я тебе доверяю, – говорит Таня Капустину. – Вряд ли ты захочешь убиться в расцвете своей карьеры.

– Дорога полна неожиданностей, – смотрит на нее через плечо. – У тебя самое небезопасное место в салоне, так что пристегни ремень.

Таня поджимает губы, а девушка Капустина мурлычет:

– Заботливый...

Таня кривит лицо, будто ее сейчас стошнит, но все же пристегивается, а потом цепляет Альберта за локоть и насильно прижимает парня к себе, громко спрашивая:

– Куда конкретно мы едем?

– За двадцать километров от города. В сторону Молодежного поселка, – поясняет Капустин, выкручивая руль влево.

По крайней мере, это недалеко.

Поерзав на месте, устраиваюсь удобнее.

Танин бок тесно прилегает к моему. Ника подпевает радио, и музыкальным слухом ее природа не обделила.

Таня тихо фыркает, но все происходящее, как ни странно, действует на меня расслабляюще.

Мерное покачивание внедорожника и мелькающие за окном поля гипнотически усыпляют. Не в силах сопротивляться, вязну в теплом плену дремоты и отключаюсь. Понятия не имею на сколько, но, когда меня трясут за плечо, подскакиваю мгновенно.

Кручу головой по сторонам. С тех пор, как Капустин усадил меня в свою машину, успело стемнеть.

– Что? – спрашиваю, потирая кулаком глаз, пока «БМВ» тормозит у ворот дома.

– Приехали, – отрывисто говорит Таня.

Полным составом высыпаемся из машины, хлопая дверьми.

Передернув плечами, осматриваюсь по сторонам, чувствуя, как после салонного тепла по коже разбегаются бодрящие колючие мурашки.

Отличное освещение, довольно широкая дорога и снежные шапки немаленьких крыш соседних домов не вяжутся у меня со словом «дача», но я успела узнать, что у Данилы Капустина слегка своеобразное понимание некоторых вещей.

Ника скрывается за калиткой высокого кирпичного забора, пока Данила открывает ворота. Вдоль ограды припарко-

вано шесть машин. Шесть!

Делаю вывод, что «вечеринка для своих» – колоссально приуменьшенная информация от господина Капустина.

– Давайте-давайте... проходим, – подталкивает он нас. – Проходим-заходим.

Поочередно протискиваемся во двор, оказываясь в совершенно другой атмосфере, нежели за кирпичным ограждением, где царили тишина и безмолвие.

Перед нами небольшой двухэтажный дом, и в каждом окне первого этажа горит яркий желтый свет, а из трубы валит тонкий дымок, убегая в темное беззвездное небо.

Пахнет офигенно!

Веранда украшена светодиодными фонариками, вызывая у меня улыбку. Левее крыльца в сугробах резвится детвора, визгливо заливаясь смехом.

Поджимаю губы, думая, как неплохо было бы взять с собой Марусю.

Вспомнив о дочери, чувствую укол совести в сердце и стандартное беспокойство, потому что к этому времени Власов уже должен был забрать ее из сада. И сообщить мне об этом. Решаю, что как только окажусь в доме, обязательно найду тихий угол и позвоню ему сама.

Расчищенная от снега дорожка убегает влево, к беседке, где, вероятно, находится зона барбекю. Там толпится народ, и даже через семь лет я узнаю среди мужских фигур Артура-Страйка. Его огромную, немного неуклюжую медвежью

фигуру. Семь лет назад он мог забросить меня себе на плечо, сегодня – ему ничего не стоит сделать это со мной и с Капустиной одновременно.

Мне снова хочется улыбнуться. И я не сдерживаю себя в этом, когда переглядываемся с Таней, которая тоже узнала парня-короля автоголов.

– Эй, народ! – орет Капустин, привлекая внимание мужчин, нависших над мангалом на высоких металлических ножках. – Вино в багажнике!

Данила сопровождает свой оклик свистом. Несколько мужских пар глаз отыскивают нас с Капустиной. Среди этих взглядов удивленный, немного задумчивый взгляд Артура впивается в мое лицо, а потом переключается на Таню.

Не узнал?

Эта мысль мимолетной вспышкой проносится в голове, но рассеивается, когда на сосредоточенном мужском лице появляется лукавая улыбка с рядом белоснежных, как выпавший первый снег, зубов!

– Ого, вот это неожиданно! – Артур бросается к нам и в два крупных шага оказывается рядом, сгребая меня и Таню в охапку и кружа в воздухе под наш общий визг.

– Привет, здоровяк! – хохоча, впиваюсь пальцами Артуру в плечо.

– Розенбаум... – улыбается, трепля мою шапку. – Танюха! – щелкает ее по носу. – Девчонки, ну какие красотки!

– Иди ты... – хихикает Таня, но ее лицо сияет, как лам-

почка.

– Как дела? – обращается к нам обеим.

– Благополучно, – Таня осматривается, ища глазами Альберта. – А ты теперь многодетный отец, да?

– Ну да, я за демографию, – довольно трет свой затылок.

– И кто там у тебя? Атос, Порто и Арамис?

– Не-а, Лелик, Болик и Анаболик, – смеется Страйк. – Но вообще-то у меня девочки... – продолжает смеяться.

– Что, все три? – выгибает Таня брови.

– Ага... И четвертая тоже будет, – сообщает горделиво.

Таня снова хихикает, а я пячусь назад и говорю:

– Я отойду, мне нужно позвонить...

– Так в дом зайди, – машет Артур рукой в сторону крыльца.

Так я и делаю. Забегаю на веранду, оббивая о пол ноги и стряхивая с ботинок снег.

Боже, как тепло в доме...

Медлю пару секунд, перед тем, как разуться. В гостиной прямо по центру тихо работает телевизор. Рядом с ним ненапряженная новогодняя елка, и ее запах слышу даже отсюда.

Расстегнув куртку и стащив с головы шапку, бреду по коридору, посматривая на двери и изучая всякие предметы декора: картины, статуэтки, светильники, хоккейные кубки...

Я не хочу, чтобы Власов имел хоть какое-то представление о моем местонахождении, для этого мне нужна полная тишина, поэтому топаю к двери в конце коридора. Она при-

открыта, и оттуда льется мягкий теплый свет.

Толкаю дверь пальцами и заглядываю в проем, где замечаю массивный рабочий стол, стеллаж с книгами... Голую мужскую спину и обмотанные белым полотенцем узкие спортивные бедра...

В висящем на стене зеркале сталкиваюсь взглядом с насыщенно-карими глазами Зотова, который резко оборачивается через плечо...

Глава 9

В первую секунду мой мозг настойчиво требует уйти. Развернуться и бежать. Во вторую тоже. Но одеревеневшие ноги приросли к полу, а глаза прилипли к глазам Марка, которые смотрят на меня в упор.

– Извини, – пытаюсь справиться с собой и не опускать взгляд ниже гладко выбритого подбородка Зотова.

В данный момент это несложно: Марк так вцепился в мои глаза острым взглядом, что время врезается в стену. Останавливается и замирает, а спустя секунду срывается с места и несется наперегонки с моим взбесившимся сердцем.

Я же знала, что увижу Марка здесь, а если и сомневалась, то только в качестве самоуспокоения, но я не рассчитывала с порога увидеть его в одном чертовом полотенце. Вряд ли под ним у него имеются трусы.

Он не выглядит озадаченным. И уж тем более он не смущен, в отличие от меня. Я смущена, потому что свое потрясение от вида его тела с семилетней «прокачкой» боюсь расплескать по всей комнате.

У него явно особая диета. Слишком много мышц, которые раньше выглядели гораздо скромнее.

Ему больше не девятнадцать, ему двадцать шесть, и он на пике своей формы...

– Привет, – тембр его голоса как музыкальный смычок

задевает мои внутренности.

– Привет, – откашливаюсь.

Марк следует глазами от моего лица вниз до полосатых носков, в которые я одета. На мне джинсы и безразмерный свитер, рукава которого могут до кончиков пальцев скрыть ладони. Это не сексуально, зато удобно!

– Я... думала смогу здесь спокойно поговорить по телефону, – демонстративно кручу в руках телефон, глядя на Зотова исподлобья.

Вдруг он решит, что я искала *его*? Я не искала, надеюсь, он не думает, что искала? Соглашаясь на предложение Капустина, я думала о Марке исключительно как о помехе. Конечно, было бы лучше вообще о нем не думать, но я к этому стремлюсь.

– Проходи и звони, – Марк гостеприимно отводит руку в сторону, приглашая войти в комнату.

– Мне неудобно. Ты здесь, кажется, живешь, – следую глазами по направлению его руки.

Эта комната – рабочий кабинет. Совершенно не то место, где можно было бы жить, но заправленный постельным бельем офисный кожаный диван, сложенная на стуле одежда и расставленные на столе в произвольном порядке мужские гигиенические принадлежности сообщают о том, что все возможно.

Марк живет на даче у Капустина. И он только что вышел из душа. Запахи ментола и арктической мяты уже вовсю за-

бывают мои обонятельные рецепторы.

Маленькая искусственная елка на столе светится на кончиках иголок белым светом, имитируя иней. Может, он сам ее сюда и притащил. У него была невообразимая страсть ко всяким мелочам...

– Я потеснюсь, проходи, – продолжает на меня смотреть.

Его взгляд слишком живой и ясный. От него у меня искрит под кожей.

На диване перед Зотовым лежит большая спортивная сумка, в которой он рылся до моего появления.

– Это личный звонок, – натягиваю на лицо улыбку. – Так что поищу другое место.

Разумеется, я не буду звонить Власову при нем. Это личное!

– Рад, что ты здесь, – говорит Марк, отворачиваясь к сумке.

– Я не надолго.

– Спешишь куда-то? – спрашивает, не оборачиваясь.

– Да, к дочери...

– Как ее зовут?

Ответ застывает у меня в горле, потому что легким движением руки Зотов сдергивает со своих бедер полотенце и бросает его на стол.

Мой позвоночник превращается в наэлектризованный кол, а глаза округляются.

В мои семнадцать он делал так постоянно. Для пар-

ней-хоккеистов нет ничего необычного в том, чтобы светить друг перед другом задницей. Задницы товарищей по команде они видят чаще, чем лицо тренера.

Пока Зотов копается в сумке, я жадно разглядываю его крепкие ягодички, на одной из которых набита татуировка – аббревиатура из трех латинских букв, значение которых я даже не берусь угадывать, но я могу с уверенностью сказать, что раньше этой тату на его заднице не было.

То поднимаюсь вверх, то спускаюсь вниз взглядом по мышцам его спины. И захлебываюсь воспоминаниями, потому что я миллион раз висла на этой спине и в два раза больше касалась ее. Всем. Руками, губами, грудью...

Боже...

Этот невозможно красивый, сексуальный и чужой мужчина – Зотов!

Скользю глазами вниз по крепким ногам и вижу, что фиксатора, в который еще вчера была закована одна из них, больше нет, но у стены пристроена трость, а значит, его травма – реальная вещь.

Развернувшись и прихрамывая, Марк делает шаг к стулу, на котором лежит стопка мужской одежды. За пару секунд он находит в ней трусы, и мне достаточно этого времени, чтобы увидеть все, что находится у него между ног.

Приоткрыв рот, плююсь на его пах, забывая моргать.

Он слегка возбужден. Господи, у него немного стоит! Прежний он или новый, но мне достаточно.

– Зотов... – говорю угрожающе. – Ты не в раздевалке.

– Я все тот же, Отелло, – смотрит на меня с иронией. – Ты все видела. С тех пор ничего не поменялось, – ловит мой взгляд, когда вскидываю его вверх.

Это обращение ударяет по моим нервам сильнее, чем его голая задница и полутвердый член. Шагнув назад, цежу:

– Кажется, пары сантиметров не хватает.

Захлопываю за собой дверь с треском.

От притока адреналина краска заливает щеки. Чувствуя себя так, будто меня перевернули вверх тормашками и встряхнули, залетаю в соседнюю дверь, которая оказывается гостевым санузлом с душевой кабиной.

Здесь до сих пор в воздухе висят пар и запах ментола.

Повернув замок, падаю на дверь спиной. Пробую восстановить разыгравшееся учащенное дыхание и ополаскиваю лицо прохладной водой, остужая разгоряченный лоб.

Кажется, у меня поднялась температура. Я буквально чувствую, как жидкий огонь струится по венам.

Выдохнув, смахиваю с телефона блокировку и даю себе минуту, отсчитывая ее вслух, прежде чем нажать на контакт Родиона и сделать дозвон.

Власов не был бы собой, если бы взял трубку с первого раза. Он делает это специально. Чтобы надавить на мои нервы. Поставить на место. Чтобы показать свою власть и вседозволенность.

Все становится неважным, когда слышу в трубке голос

Маруси:

– Мамочка, я соскучилась...

– Где ты? – впитываю в себя ее тонкий родной голосок.

– У бабули и дедули. Я мультики смотрю. Мне деда мармеладных мишек купил. Я оставлю тебе. Три. Или пять.

На меня снисходит мгновенное успокоение.

Однажды Власов забрал ее из сада и не довез до своих родителей. Моя дочь два часа провела вместе с ним и его друзьями в каком-то ресторане. Какая-то девица из их тусовки кормила моего ребенка картошкой фри, став ее нянькой, пока хирург Власов курил кальян в соседнем зале.

Я была шокирована и зла, когда увидела эту картину своими глазами. Я забрала дочь и неделю не подпускала его к ней, но он всегда побеждает, ведь у нас... совместная опека, а его родители очень влиятельные люди...

– Мне хватит трех... – говорю дочери, прочистив горло.

– Мне бабуля разрешила лечь спать в десять.

– Ладно. Ты поела?

– Угу... суп и... гречку... фу-у-у...

– Завтра приготовим с тобой что-нибудь вкусное и вредное...

– Пиццу! Хочу пиццу! – счастливо визжит Маруся.

– Передавай привет бабушке и дедушке...

Положив трубку, вздыхаю так, будто с души свалилась бетонная плита. Напряжение отпускает, ведь мой ребенок в надежных руках. Родители Власова души в Марусе не чают.

Они очень к ней привязаны, хоть иногда напрягают ее своей строгостью. Будто всю строгость, которую они пожалели для своего сына, решили слить на моего ребенка.

Убрал телефон в задний карман джинсов, берусь за ручку и выхожу в коридор.

Глава 10

Дверь в «ночлежку» Зотова закрыта так же плотно, как и пять минут назад, когда я ею хлопнула. Если он еще там, в комнате, то не подает никаких признаков жизни, но проверять я уж точно не собираюсь.

Дача Капустина и так теперь кажется мне спичечной коробкой, а я ненавижу замкнутые пространства.

Не задерживаясь больше чем на два вдоха, ухожу по коридору тем же путем, которым пришла, но теперь в доме уже не так тихо.

В квадратную прихожую с улицы, как семечки, сыплотся люди. Я вижу Таню, Альберта, Страйка, детей в разноцветных комбинезонах и с розовыми щеками. Вместе с собой пришельцы приносят морозный свежий воздух и шум, который не взрывает мне голову, потому что облегчение после разговора с Марусей настолько полное, будто внутри разжалась тугая пружина.

Мне становится легко даже несмотря на то, что не знаю, куда себя деть. Я хочу повеселиться. Развеемся в конце концов! И не думать о том, почему судьба подкинула мне встречу с голой задницей Зотова, хоть я об этом и не просила.

Дожидаюсь, пока Капустина сбросит ботинки и пуховик, под которым у нее вязаное бардовое платье чуть ниже колена. Ее очки запотели, кончик носа покраснел, но моя подру-

га улыбается, чего не скажешь об Альберте. С кислым выражением на лице он забирает у Тани пуховик и вместе со своей курткой убирает вещи в шкаф, дождавшись очереди после Страйка.

– У меня нос отмерз, – подруга берет меня под локоть, с любопытством осматриваясь. – Как мило... – смотрит во круг, оценивая очень сдержанную, я бы сказала, холостяцкую обстановку.

Заглядывает за угол, придирчиво знакомясь с домом Данылы, и покусывает губу, крутя на пальце кудряшку.

Хозяин входит в дверь в компании своей хихикающей девушки, и за то время, пока мы не виделись, оба успели обзавестись морозным румянцем, как и все остальные пришедшие со двора.

Капустин заботливо помогает Нике снять длинную шубу, под которой на его даме блестящие свободные брюки и короткий топ, и этот лук делает ее похожей на фиолетовый диско-шар, а ведь сегодня даже не Новый год.

– Ну просто человек-праздник, – слышу сухое замечание Тани.

Прикусив от смеха губу, наблюдаю за тем, как в дверь протискивается смутно знакомый мужчина с подносом, на котором возвышается гора шашлыка. Держа поднос над головой, он объявляет:

– Если кто-то хочет хавать, еда на кухне!

Напрягая мозги, пытаюсь вспомнить его имя, ведь мы яв-

но когда-то были знакомы, но без толку.

Под очками глаза Альберта тоскливо смотрят на поднос, но Таня тянет меня и своего «парня» в гостиную, куда стекается часть гостей.

– Пошли... – шикает Альберту, который и так обреченно не сопротивлялся.

В гостиной два небольших кожаных дивана друг напротив друга, между ними деревянный журнальный столик, на крышке которого нарисована шахматная доска. Компания, галдя, рассаживается: парни плюхаются на мягкие диваны, девушки садятся тоже.

Скачу взглядом по лицам. Многие мужчины мне знакомы – это хоккеисты из юношеской команды Зотова и Капустина, по крайней мере основная их часть. Девушек я вижу впервые, и они рассматривают меня и Таню с не очень дружественным интересом, будто кто-то из нас двоих способен положить глаз на хоккеиста! Мне хватило первого и последнего раза, а Таня никогда спортсменами не интересовалась.

– Никто не хочет уступить девушкам место? – обращается она к шумной компании, повысив голос, чтобы ее перекричать.

– Сейчас все будет! – на наши с Таней плечи опускаются тяжелые ладони Страйка. – Зеленый, – обращается к одному из парней, —уступи даме место, давай-давай, двигай...

– Я постою... – отзываюсь, решив что сегодня я насиделась выше крыши.

Мужчина на краю дивана освобождает Тане место, я же отхожу в сторону, направляясь к широкому подоконнику, на котором лежит полосатая подушка. Беру ее и обнимаю руками, прижимая к животу. Вошедший в комнату Капустин хлопает по плечу Альберта, говоря:

– Проходи. Чего как не родной?

Поперхнувшись, парень дергается на месте и поправляет съехавшие от «ласкового» контакта с рукой Данилы очки, после чего пристраивается на диване рядом с Таней, заставив всех только слегка потесниться.

Данила стягивает с себя толстовку через голову и отправляет ее на стул в углу, оставаясь в белой футболке.

– У-у-у, – скандирует один из его друзей. – Сейчас Капуста покажет стриптиз!

– Заткнись! – посмеиваясь, опускается на корточки перед электрическим камином и тычет в него пультом, когда его девушка wpłyает в комнату с подносом, заставленным кружками, от которых исходит аромат корицы.

– Разбираем! – звенит ее голос, пока обходит каждого гостя, предлагая напиток.

Вижу, как глаза Альберта абсолютно нетактично прилипают к «блестящей» заднице Ники, которая протягивает кружку одному из парней, слегка наклонившись вперед.

Все же я за женскую солидарность, и на этот потребительский взгляд мне хочется скривиться.

Отбросив подушку обратно на подоконник, беру с подно-

са кружку для себя, бормоча тихое «спасибо». Обнимаю горячую керамику ладонями и тяну носом пряный запах корицы и грейпфрута, периферийным зрением замечая, что в комнате стало на одного человека больше.

По спине пробегает крошечный электрический импульс, когда кошусь на вошедшего в комнату Зотова. Он опирается на трость, но фиксатора на его ноге по-прежнему нет.

Если это значит, что он на пути к восстановлению, то я безмерно за него рада.

С дивана подскакивают сразу двое, уступая звезде хоккея место, и мне хочется закатить глаза, ведь все они – все мужчины в этой комнате – давно не дети.

– Садись, дружище... – говорят наперебой, расступаясь перед своим кумиром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.